

Новое время 1882 г.
№ 2319

Записки о М. Д. Скобелевѣ *).

Мнѣ снилось—лечу я: орелъ
сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ
отсталъ,
А я, увлекаемъ невѣдомой
силой,
Все выше и выше взлеталъ.
А. Хомяковъ.

I.

Скобелевъ въ Ферганѣ.

...Послѣ хивинскаго похода, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Скобелевъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, явился тамъ въ окружной штабъ и, взявъ отпускъ, поѣхалъ въ Крымъ. Вскорѣ онъ былъ отчисленъ отъ кавказской арміи и назначенъ въ званіи флигель-адъютанта состоять при главной квартирѣ. Весною 1874 года, уже въ свитской формѣ, онъ опять заѣхалъ въ Тифлисъ. Тутъ онъ просилъ дать ему эскадронъ въ тверскомъ драгунскомъ полку, но получилъ отказъ.

Въ это второе свое посѣщеніе онъ одѣвался особенно нарядно, носилъ на рукѣ золотой *porte-bonheur* и говорилъ, что жениться и что это уже рѣшено. Георгіевскій крестъ, полученный имъ наконецъ за рекогносцировку, поднялъ его духъ и пріятное впечатлѣніе военнаго успѣха еще не успѣло въ немъ изгладиться. Такимъ образомъ его честолюбіе было временно удовлетворено. Тѣмъ не менѣе, онъ по временамъ говорилъ, что ему «скучно» и тогда въ немъ пробуждалась томительная жажда дѣятельности. Онъ призадумывался, грустилъ и жизнь велъ не регулярную.

Передъ женитьбой жилъ опять въ отпуску, заграницей. Въ это время Донъ-Карлосъ—претендентъ на испанскую корону—велъ упорную оборонительную войну съ правительственными войсками на сѣверѣ Испаніи. Михайлъ Дмитриевичъ, какъ онъ потомъ рассказывалъ, при свиданіи съ нашимъ посломъ въ Парижѣ заговаривалъ косвеннымъ образомъ о своемъ желаніи по-

*) Настоящія записки составлены по замѣткамъ, которыя дѣлались еще при жизни Скобелеви, а также по нѣкоторымъ документамъ. Не претендуя на особую послѣдовательность и полноту изложенія, думаемъ, что во всякомъ случаѣ онѣ могутъ представить въ послѣдствіи нѣкоторый матеріалъ для обстоятельной біографіи знаменитаго генерала.

сбѣтитъ театръ военныхъ дѣйствій и, по его словамъ, будто бы не получилъ разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе, появившись сначала въ Біаррицѣ, онъ затѣмъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими волонтерами пробрался черезъ границу. По пути въ лагерь претендента онъ подвергалъ себя не разъ опасности попасться въ руки правительственныхъ войскъ или алгвазиловъ, что конечно кончилось бы для него очень плохо. Капитанъ прусской службы Шмидтъ былъ такимъ образомъ пойманъ и разстрѣлянъ. Въ лагерь претендента Скобелевъ сперва состоялъ при штабѣ, а потомъ въ отрядѣ одного изъ карлистскихъ генераловъ.

Впоследствии, уже будучи полнымъ генераломъ, онъ говорилъ, что оборонительная война Донъ-Карлоса была весьма поучительна для будущихъ участниковъ плевненскаго сраженія. Онъ принималъ личное участіе въ сраженіяхъ при Эстелли и Пепо де-Мурра, но подробныхъ мемуаровъ не оставилъ. Впрочемъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ подалъ небольшую записку о современном значеніи полевой фортификаціи въ оборонительной войнѣ.

По возвращеніи изъ отпуска, Скобелевъ былъ командированъ въ Пермь, присутствовать тамъ при рекрутскомъ наборѣ; по его словамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено познакомиться съ дѣломъ о башкирскихъ земляхъ. Вернувшись оттуда, онъ женился и поселился въ домѣ Стобеуса, на Большой Морской, противъ кирки, гдѣ и прожилъ до первыхъ чиселъ мая 1875 г.

Кто близко зналъ Скобелева, тому извѣстно, что проведя большую часть жизни въ походахъ и переѣздахъ, онъ никогда не имѣлъ прочнаго, постояннаго гнѣзда. Беспокойная натура генерала выражалась отчасти и въ его постоянныхъ передвиженіяхъ. Все его толкало куда нибудь. До болѣе виднаго положенія на службѣ онъ не могъ пропустить ни одной войны въ Азіи или въ Европѣ, кто бы съ кѣмъ ни дрался, и былъ крайне огорченъ, что обстоятельства помѣшали ему быть въ одно и то же время въ туркестанскихъ степяхъ и принимать участіе во франко-прусской войнѣ. Но и не находясь гдѣ нибудь подъ выстрѣлами, при мирной обстановкѣ, онъ не терпѣлъ засиживаться на одномъ мѣстѣ. Вотъ почему въ сравнительно краткій срокъ его дѣятельности мы его видимъ постоянно перемѣщающимся съ одного пункта на другой. Перемѣна обстановки и мѣста—вотъ одна изъ его отлич-

тельныхъ чертъ. То онъ въ Петербургѣ служить въ кавалергардахъ, потомъ въ гусарахъ въ Варшавѣ, потомъ въ академіи, потомъ въ Новгородѣ, въ Ташкентѣ, въ Красноводскѣ, въ Крымской станицѣ, при всякой возможности отправляется за границу, изъ Минска ѣдетъ въ Вильно, оттуда опять въ Минскъ; поживетъ въ Москвѣ, затѣмъ ѣдетъ въ деревню, оттуда опять въ Москву, собирается изъ деревни верхомъ въ Нижний - Новгородъ, а въ прошломъ году живя въ имѣніи, полушутя, полусерьезно составлялъ маршрутъ кругосвѣтнаго путешествія съ тѣмъ, чтобы провести нѣсколько недѣль на Антильскихъ островахъ.

Изъ всѣхъ зрѣлищъ, которыя такъ любить человѣчество, конечно, самое сильное впечатлѣніе на нервы и душу производитъ война со всѣми ея ужасами, множествомъ то необыкновенно яркихъ, то необыкновенно мрачныхъ картинъ, тревоженій, упоеніемъ торжества, азартною игрою; вотъ почему послѣ войны у мыслящаго человѣка является жажда постоянныхъ перемѣнъ и перемѣнъ.

Въ домѣ Стобеуса, Скобелевъ, кажется, единственный разъ располагалъ собственною городскою квартирою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Затѣмъ онъ часто жила въ гостиницахъ, а послѣднее время въ домѣ княгини Бѣлосельской, у Аничкина моста. Въ Минскѣ поручилъ нанять себѣ домъ-особнякъ за городомъ. Домъ наняли по контракту на годъ, чуть ли не въ пяти верстахъ отъ города, но кругомъ оказалось полное безлюдье и за провизіей приходилось ходить въ городъ. Вслѣдствіе этого Скобелевъ прожилъ тутъ всего два дня и заплатилъ за годъ.

Кабинетъ въ домѣ Стобеуса былъ отдѣланъ съ хорошимъ вкусомъ. Большой черный письменный столъ съ красивыми письменными принадлежностями и разнообразной писчей бумагой стоялъ въ лѣвомъ углу; тутъ же были этажерки и шкапы съ книгами, преимущественно военного содержанія и на иностранныхъ языкахъ. По стѣнамъ были развѣшаны гравюры и снимки съ батальныхъ картинъ Невилля и Верещагина. Акварій, мраморный бюстъ и большой черный мольбертъ съ прекрасной гравюрой Наполеона I-го довершали убранство комнаты.

Впослѣдствіи всѣ мелочи, картины и книги переѣхали въ Спасское, и въ свое кратковременное пребываніе въ деревенскомъ кабинетѣ Скобелевъ работалъ гораздо болѣе, чѣмъ въ 1875 году.

Въ Петербургѣ Скобелевъ пробылъ до первыхъ чиселъ мая, причемъ время проводилъ довольно однообразно. Любилъ засиживаться за ужинами, а въ особенности за завтраками, часовъ по пяти, и вести бесѣду о сраженіяхъ, кампаніяхъ и нашей политикѣ въ Средней Азіи. Последнее было особенно любимымъ предметомъ разговора, когда онъ встрѣчался съ туркестанцами. Театровъ Скобелевъ не любилъ и, сколько помню, за весь сезонъ былъ только два въ Буффѣ, когда тотъ помѣщался въ деревянномъ зданіи, противъ Александринаскаго театра.

Я его встрѣтилъ въ посту на представленіи «L'île verte» вмѣстѣ съ Жирарде. Онъ сидѣлъ въ третьемъ ряду креселъ и нѣсколько разъ улыбался комическимъ выходкамъ Ру во второмъ актѣ.

Въ антрактѣ онъ вышелъ походить въ корридоръ и говорить: «Вездѣ миръ, скучно и тихо... Не знаешь куда себя дѣть, какъ себя уходить; въ Азіи тоже миръ... Мнѣ предлагаютъ эскадронъ въ кавалергардахъ... Какъ вы полагаете, брать или не брать?» И не дождавшись отвѣта, прибавилъ: «Я однако уѣду отсюда... Я на третій актъ оставаться не намѣренъ; съ меня довольно»...

Въ кабинетѣ Скобелева собирались иногда его родственники, пріятели и знакомые. По воскресеньямъ послѣ развода у него всегда нѣсколько человѣкъ завтракало. Бывалъ иногда французскій военный агентъ, полковникъ Галльяръ, котораго Скобелевъ любилъ спрашивать о походной жизни въ Алжирѣ.

Когда всѣ расходились, то Скобелевъ задерживалъ обыкновенно кого-нибудь изъ болѣе близкихъ и посвящалъ его въ интимныя подробности своей жизни и въ свои мечты. Въ этотъ годъ за все время, что я его зналъ, Скобелевъ первый разъ серьезно разстроилъ свое здоровье. Онъ страдалъ истощительнымъ геморроемъ, сильно поблѣднѣлъ и ослабѣлъ и лицо стало какое-то прозрачное, точно восковое. Тѣмъ не менѣе, онъ лечился небрежно и мало исполнялъ совѣты докторовъ, продолжая свою нерегулярную жизнь. Все леченіе состояло въ томъ, что онъ платилъ доктору за визиты.

Какъ уже было говорено, Скобелевъ внимательно слѣдилъ за нашей политикой въ Средней Азій, заглядывая въ карты и въ исторію нашей войны въ этомъ краѣ. Ранней весной изъ Ташкента пріѣхалъ

одинъ генералъ и привезъ извѣстіе, что въ недалекомъ будущемъ можно ожидать похода въ Коканъ. Хотя Коканъ и не подавалъ тогда еще повода къ войнѣ, но положеніе дѣлъ въ этой странѣ было ужасно. Слабохарактерный Худояръ-ханъ все болѣе и болѣе возбуждалъ противъ себя народъ. Такимъ образомъ мы всегда могли ожидать крупныхъ безпорядковъ среди миллионнаго коканскаго населенія, которые всегда могли отразиться на нашихъ собственныхъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе этого мы не могли оставаться безучастными зрителями. Такъ по крайней мѣрѣ неоднократно повторялъ Скобелевъ.

— Мы потеряли всякое вліяніе на Кашгаръ... Не надо забывать, что Ташкентъ былъ коканскій городъ... Вы схватываете меня; — не правда ли? Экспедиція необходима... Стоить только вникнуть въ положеніе дѣлъ въ краѣ... Послѣ этого Скобелевъ пересталъ думать о строевой службѣ въ Петербургѣ и сильно ухаживалъ за генераломъ Н., желая попасть въ походъ.

Еще экспедиція не начиналась, а уже Скобелевъ говорилъ въ началѣ апрѣля, что походъ рѣшенъ и что онъ вѣроятно будетъ назначенъ начальникомъ кавалеріи, что и оправдалось впоследствии. Скобелевъ вообще любилъ иногда говорить о томъ, чего ему очень хотѣлось, какъ о рѣшенномъ, въ настоящемъ времени. 8-го мая онъ оставилъ Петербургъ, вѣроятно не предполагая, что вернется въ Россію только къ открытію турецкой кампаніи, ровно черезъ два года.

Покореніе Ферганы положило основаніе его служебной карьерѣ. Еще молодой полковникъ, Скобелевъ за различныя дѣла за время войны съ Коканомъ получаетъ въ награду: св. Владиміра и Георгія 3-ей степени, золотое оружіе, алмазную шпагу и производится въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества.

Кромѣ того, онъ сдѣлалъ здѣсь первый серьезный шагъ въ командномъ отношеніи, распоряжаясь самостоятельно большую часть кампаніи на отдаленномъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Здѣсь ему пришлось впервые испытать свои стратегическія способности, рѣшительность военачальника, еще болѣе развить личную отвагу и предприимчивость. Здѣсь онъ познакомился съ свойствами различныхъ родовъ оружія на столько внимательно, что по водвореніи мира онъ даетъ обстоятельныя инструкціи пѣхотѣ и кавалеріи. По-

ставленный во главѣ сравнительно ничтожнаго отряда въ странѣ густо населенной и изрѣзанной мѣстными препятствіями, онъ долженъ былъ бить безъ промаха и безъ отдыха и дѣйствовать на воображеніе полудикаго населенія. Если заглянуть въ исторію, то въ такомъ же положеніи былъ Пизарро съ горстью испанцевъ при завоеваніи Перу. Невѣжественная и впечатлительная масса народа оказалась совершенно ничтожной въ борьбѣ съ нѣсколькими ротами регулярныхъ русскихъ солдатъ, но та же масса оказалась бы грозной, если бы Скобелевъ обнаружилъ слабость духа и не умѣлъ бы искусно употреблять во время чуждыхъ и страшныхъ для туземцевъ средствъ, которыми располагаетъ европейскій отрядъ.

«Азію нужно бить по загривку и воображенію...» говорилъ онъ.

Оставшись послѣ окончанія военныхъ дѣйствій командующимъ войсками и губернаторомъ края, Скобелевъ долженъ былъ вводить здѣсь русскіе порядки и обратиться въ администратора. Къ этому же времени надо отнести замѣчательный походъ на Памиръ, извѣстный подъ названіемъ алайской экспедиціи. Въ такое самостоятельное положеніе Скобелевъ былъ поставленъ на тридцать третьемъ году, т. е. въ лучшее время жизни, такъ сказать въ разцвѣтъ его умственныхъ и физическихъ силъ.

Отсюда понятно, что хотя послѣднее время пребыванія Скобелева въ Ферганѣ и было омрачено нѣкоторыми служебными непріятностями, чувствительными для его глубоко-самолюбивой натуры, но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда вспоминалъ это время съ особеннымъ удовольствіемъ и даже любовью. Дѣйствія въ Ферганской долинѣ, прикрытіе коммуникаціонной линіи отъ Намангана на Ходжентъ и Ташкентъ, сраженія подъ Балыкчами, Ульджи-баемъ и другими много разъ служили предметомъ его бесѣдъ и воспоминаній. Всѣмъ болѣе или менѣе близко къ нему стоящимъ онъ рассказывалъ эту кампанію, хотя и кратко, но обстоятельно и съ увлеченіемъ, поясняя рассказъ схематическими чертежами. Эти чертежи онъ дѣлалъ очень быстро и всегда цвѣтными карандашами. Англійскій корреспондентъ Марвинъ тоже слышалъ отъ Скобелева описаніе кокандской экспедиціи, но чертежъ Скобелевъ по окончаніи рассказа разорвалъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая полковникъ Скобелевъ прибылъ въ Ташкентъ. Тамъ онъ

встрѣтить не мало лицъ недружелюбно къ нему расположенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, бывшіе товарищи Скобелева по Петербургу и въ поискахъ за счастьемъ промѣнявшіе столицу на Ташкентъ, угадывали въ немъ весьма серьезнаго соперника въ будущихъ военныхъ предпріятіяхъ.

Между тѣмъ усиливающіеся безпорядки въ Коканѣ все болѣе и болѣе заставляли думать о скоромъ походѣ. У насъ сохранилась записка Скобелева, относящаяся какъ разъ къ этому періоду, которую мы и помещаемъ ниже. Съ коканской экспедиціи Скобелевъ хотѣлъ начать свою автобіографію, но, къ сожалѣнію, далеко не довелъ ее до конца. Вотъ эта записка.

III.

Пріѣздъ въ Ташкентъ и командировка въ покойному Якубъ-хану кашгарскому 1875 г.

(Писана М. Д. Скобелевымъ въ августѣ 1881 г., въ селѣ Спаскомъ).

Въ маѣ 1875 г. я прибылъ въ Ташкентъ, въ распоряженіе ген.-адъют. Кауфмана, въ чинѣ полковника и флиг.-адъютанта. Возвращеніе въ Туркестанскій край послѣ непріятностей въ 70 году, вынудившихъ меня два раза драться на дуэли, не могло быть названо ни легкимъ, ни пріятнымъ. Боевое братство подъ стѣнами Хивы войскъ 3-хъ округовъ, можно было предполагать, должно было ослабить присущую туркестанскому военному округу зависть и вражду ко всему прибывающему въ край, въ особенности въ такомъ положеніи, въ какомъ я былъ, но на дѣлѣ все оставалось по старому... Дѣйствительно, только одна надежда на выстрѣлъ могла побуждать терпѣливо выносить все и служить въ такомъ вертепѣ, какимъ былъ Ташкентъ въ 75 году.

Въ маѣ 75 года повсемѣстная тишина царила на всемъ протяженіи обширнаго Туркестанскаго края и какъ ни силился нашъ братъ найти какую нибудь черную точку на политическомъ горизонтѣ, но таковой не представлялось. Правда, ханство Коканское стонало подъ непомѣрнымъ гнетомъ свирѣпаго Худояръ-хана, изъ корыстныхъ цѣлей даже рѣшившагося нарушить основныя постановленія шаріата въ податномъ вопросѣ. Правда, что умный Иса-аулъ *), желая удер-

*) Примѣч. редакц. Иса-аулъ былъ уважаемый народомъ человекъ, славившійся за святого. Сосланъ въ Архангельскъ

жать своего повелителя на пути постоянныхъ усиленныхъ налоговъ, во время торжественнаго засѣданія Дивана иронически предложилъ Худояръ-хану разрѣшить мужьямъ только два раза въ недѣлю сочетаться съ своими женами и за нарушение этого закона установить особую подать. Но подобныя безобразныя явленія настолько присущи азійскимъ ханствамъ, что зная народъ, можно было основательно предполагать, что терпѣнія кокандцевъ хватитъ на много лѣтъ.

Чрезвычайно интересно и поучительно это предисловіе къ кровопролитной кокандской войнѣ и въ смыслѣ политическомъ и смыслѣ административномъ. Оно доказываетъ всю нашу безпомощность и близорукость, всю ежеминутную опасность для нашего владычества, пока мы въ Средней Азіи будемъ примѣнять худшіе административные элементы нашей безчисленной гражданской и военной бюрократіи и не будемъ стремиться рядомъ экономическихъ и воспитательныхъ преобразованій создать изъ туземцевъ надежный и преданный оплотъ. Возрастающій ропотъ народонаселенія на правительство Худояръ-хана не могъ, конечно, не обратить на себя вниманіе туркестанскаго генераль-губернатора. Тотчасъ послѣ прибытія изъ Петербурга, генераль-адъютантъ Кауфманъ письменно обратился къ Худояръ-хану съ совѣтами, въ которыхъ выражалась необходимость болѣе справедливаго отношенія хана къ своему народу, причемъ даже намекалось ему, что волненія въ Кокандѣ могутъ дурно отразиться на спокойствіи русскаго Туркестана, но что, конечно, не приходило тогда въ голову ни генералу Кауфману, никому изъ насъ, что въ нашей собственной Сыръ-Дарьинской области народонаселеніе было не менѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ ханствѣ, задавлено поборами, что сотни семействъ хищнически сгонялись съ родной земли самимъ правителемъ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора (С...ъ, нынѣ пред. суду), что уѣздные начальники, какъ П... Г...съ, Н...де, пользуясь правомъ административной ссылки, уже довели народъ до отчаянія, что безобразія дошли до того, что постановленіемъ мусульманскаго совѣта старшинъ въ городѣ Ходжентѣ собрано было 24,000 серебромъ, якобы на устройство бала въ честь русскихъ дамъ... и что въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области уже образовался обширный тайный заговоръ съ цѣлью испровергнуть русскую власть, которую народъ обвинялъ въ хищ-

ничествъ и неправдъ *).

Какъ я выше сказалъ, мы были слѣпы; лично я, томимый жаждою дѣятельности, отчаяваясь на скорое начало военныхъ дѣйствій, рѣшился предложить генералъ-губернатору двинуться въ Кашгаръ чрезъ все ханство Коканское и представить ему военно-статистическое описаніе Ферганы и Кашгара. Генералъ-губернаторъ сначала колебался, но, какъ часто бываетъ, неожиданный случай помогъ намъ: на Чаткалѣ въ верховьяхъ р. Ангрена, на самой границѣ русско-коканскихъ владѣній поднялъ знамя бунта противъ хана родной его племянникъ Абдулъ-Керимъ-бекъ. Разбитый ханскими войсками, Абдулъ-Керимъ бѣжалъ въ русскіе предѣлы, гдѣ и былъ схваченъ. Генералъ-губернаторъ, стремясь къ сохраненію мирныхъ отношеній, которыя настоятельно требовались изъ Петербурга, рѣшился выдать Абдулъ-Керима-бека Худояръ-хану и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вновь посовѣтовать хану измѣнить свои отношенія къ народу, а также доставить намъ возможность изучить ханство Коканское и доступы въ Кашгаръ черезъ Алайскій Тянь-шань **). Посланникомъ къ Якубъ-хану былъ назначенъ я, а посланникомъ къ Худояръ-хану—покойный статскій совѣтникъ Вейнбергъ. Генералъ-губернаторъ снабдилъ насъ письмами и богатыми подарками на сумму болѣе 20,000 р.; посольство до Кокана должно было слѣдовать вмѣстѣ. Простившись съ генералъ-губернаторомъ, мы двинулись въ путь 10-го іюля 1875 года, оставивъ Ташкентъ во всемъ блескѣ его беззаботной, даже роскошной полуазіятской, полуюропейской жизни; войска округа стояли въ лагерѣ по садамъ, состоялось распоряженіе о предстоящемъ отпускѣ безсрочно-отпускныхъ, которыхъ, пом-

*) Прим. Скобелева. Въ кишлакѣ Костаюсъ я лично видѣлъ предписаніе хозяйственнаго управленія Ходжентскаго уѣзда безъ чьей бы то ни было подписи, взыскивающее штрафы съ деревни въ размѣрѣ 10,000 кранъ, за то будто бы, что на костаюсскомъ базарѣ найдена въ обращеніи фальшивая монета. Когда я заявилъ объ этомъ документѣ въ Ходжентѣ, то таковой былъ неизвѣстно кѣмъ немедленно уничтоженъ.

**) Примѣчаніе Скобелева: Въ 75 году покойный Якубъ-бекъ былъ звѣздою первой величины на азіатскомъ политическомъ горизонтѣ, его побѣды надъ китайцами, вражда къ русскимъ, сношенія съ Константинополемъ и индійскимъ ген.-губ., торжественные пріемы миссін Форсайта въ Кашгарѣ, обиды, причиняемыя купцамъ и т. д. вполне оправдывали то зоркое вниманіе, съ которымъ наше правительство

нится, въ этомъ году впервые хотѣли отпраздновать не пѣшкомъ, а на верблюдахъ. Словомъ, ничто не предвѣщало близость грозы. Въ Ходжентѣ, гдѣ мнѣ по пути было поручено разбить новую солдатскую слободку, мнѣ впервые пришлось слышать отъ русскихъ о возмутительныхъ злоупотребленіяхъ полковника Нольде, о томъ, что народъ хочетъ жаловаться генералъ-губернатору и что вообще существуетъ сильное возбужденіе.

Въ Ходжентѣ присоединился къ нашей миссіи Абдулъ-Керимъ-бекъ и при немъ конвой въ 22 сибирскихъ казака и мы торжественно двинулись, вездѣ встрѣчаемые властями и провожаемые съ большимъ почетомъ.

Абдулъ-Керима везли на арбѣ и бѣдный мальчикъ грустно смотрѣлъ кругомъ, убѣжденный, что дядя немедленно прикажетъ его зарѣзать. То обстоятельство, что у Вейнберга въ карманѣ было письмо, въ которомъ генералъ-губернаторъ именемъ Государя требовалъ помилованія Абдулъ-Керима, было ему неизвѣстно. Въѣхавъ въ Коканъ мы вечеромъ и остановились въ домѣ Мирза-Хакима-паръ-ваначи *), который встрѣтилъ насъ крайне радушно и гостепріимно. Правда, кормили сальнымъ азійскимъ пловомъ и изюмомъ, но въ шампанскомъ недостатка не было. Городъ Коканъ произвелъ на меня волшебное впечатлѣніе: дворцы, сады, мечети, богатѣйшій базаръ все это ставитъ Коканъ на ряду лучшихъ азійскихъ городовъ. Коканъ

слѣдидо за Бадаулетомъ *). Въ то время мы поддерживали оружіемъ, совѣтомъ и провіантомъ наступленіе китайцевъ и сами держали себя въ готовности вторгнуться въ предѣлы Кашгара, для чего въ Нарынскомъ укрѣпленіи, несмотря на значительность расхода, содержался неприкосновеннымъ запасъ провіанта на четыре мѣсяца для 10,000 чел. и 3,000 лошадей, но дислокація войскъ округа не позволяла быстро сосредоточить отрядъ такой силы въ Нарынскомъ укрѣпленіи, а потому имѣлось въ виду, заключивъ союзъ съ Худояръ-ханомъ, двинуть въ предѣлы Кашгара двѣ колонны, одну, базируя на Нарынъ, другую на Ходжентъ съ операціонною линіей въ предѣлахъ ханства Коканскаго. Теперь станетъ понятно, какое огромное значеніе получала для насъ военная рекогносцировка ханства Коканскаго и доступъ въ Кашгаръ съ западной стороны.

*) Прим. ред. Паръ-Ваначи — генералъ-маіоръ.

*) Примѣч. ред. Бадаудетъ — значитъ счастливый — титулъ, принятый Якубъ-ханомъ.

не уступает Самарканду. Разумѣется аудіенція у хана не могла состояться очень скоро, тому препятствовалъ азіатскій этикетъ. Принималъ онъ насъ, кажется, 17-го числа, окруженный дворомъ болѣе чѣмъ въ 5,000 человекъ. Все окружающее хана представляетъ видъ азіатской пышности и только самъ повелитель встрѣтилъ насъ скромно, сидя въ уголку одной изъ великолѣпныхъ арабскихъ залъ дворца. Ханъ сидѣлъ даже не на коврѣ, а на старой истрепанной кошмѣ, одѣтъ онъ былъ въ зеленый халатъ, на головѣ громадная бѣлая чалма. Когда мы вошли, Худояръ игралъ четками и не спуская глазъ съ корана шепталъ молитву. Какъ было условлено, мы съ Вейнбергомъ сѣли, не ожидая приглашенія хана, что видимо было ему непріятно, засимъ Вейнбергъ, передавъ хану письмо генералъ-губернатора, объяснилъ ему, что мы привели на дворъ Абдуль-Керима-бека и что огнень его племянникъ находится въ его рукахъ. Ханъ молча кивнулъ головой и приказалъ ввести Абдуль-Керима-бека; блѣдный какъ смерть вошелъ юноша и не доходя до хана сажень 15 повалился въ ноги и громко сталъ кричать «Девлетъ заретъ бу сынъ!»^{*)}). Ханъ нѣсколько минутъ равнодушно на него посмотрѣлъ и совершенно спокойно при насъ отдалъ приказаніе отвести его къ палачамъ и казнить на дворѣ. Этого только и дожидался Вейнбергъ, спокойно попросилъ онъ хана обождать исполненіемъ приказанія, пока не прочтетъ второе письмо ген.-губ. Ханъ молча прочелъ письмо, измѣнился въ лицѣ, но тутъ же съ рѣдкимъ самообладаніемъ сказалъ намъ, что просьба его друга для него законъ и приказалъ отпустить^{**)} Абдуль-Керимъ-бека на всѣ четыре стороны. Во время движенія отъ Ходжента къ Коканду, мы очень полюбили Абдуль-Керимъ-бека, а потому, во избѣжаніе случайностей, предложили ему оставаться при посольствѣ. Когда, черезъ нѣсколько дней, намъ пришлось отступать, съ боемъ, изъ предѣловъ ханства, Абдуль-Керимъ продолжалъ быть при насъ молодцомъ, отстрѣливаясь изъ моего маленькаго кавалерійскаго карабина.

Послѣ оффиціальнаго приѣма у хана предстояло обсудить возвращеніе Вейнберга въ Ташкентъ и дальнѣйшее мое слѣдованіе въ предѣлы Якубъ-бека. Худояръ-ханъ изъявилъ свое согласіе назначить конвой

^{*)} Прим. ред. О великій государь!

^{**)} Прим. ред. Впоследствии измѣнилъ и перешелъ на сторону Пулатъ-хана.

и перевозочныя выючныя средства, но просилъ нѣсколько дней сроку, чтобы предупредить полунезависимыхъ каракиргизскихъ бековъ, кочующихъ въ долину Гульчи и Юссалы и на Терекъ-Даванъ. Путь, рекомендованный ханомъ, пролегалъ черезъ Маргеланъ, Ошъ, ур. Гульчу, Янги-Арыкъ, Софи-Курганъ, Терекъ-Даванъ и далѣе долиною Кашки-Дарьи къ Кашгару. Генераль-губернаторъ рѣшилъ: еслибы Якубъ-ханъ оказался не въ Кашгарѣ, а при арміи, въ восточной части своихъ владѣній, то мнѣ всѣми силами настаивать, чтобы быть допущеннымъ въ его лагерь. Последнее предположеніе, понятно, являлось для насъ наиболѣе желаннымъ. Приготовленія къ дальнему походу шли, слѣдовательно, очень дѣятельно; я надѣялся выступить съ посольствомъ въ Кашгаръ въ первыхъ числахъ августа 1875 г., что обезпечивало вполне возможность перевалить черезъ Тянь-Тань до осеннихъ снѣговъ, когда дороги дѣлаются непроходимыми не только для тяжелыхъ вьюковъ, но и для одиночныхъ всадниковъ. (Здѣсь одна страница рукописи утеряна¹).

До 17-го іюля въ Кокандѣ все казалось спокойнымъ. Правда, нашъ домохозяинъ Мирза-Хакимъ *) казался особенно задумчивымъ, но, по азійскому обычаю, онъ ни слова не пророчилъ при насъ о событіяхъ дня.

Я воспользовался этихъ временемъ, чтобы подъ различными предлогами объѣхать городскую ограду, подступы къ ней и составить подробный планъ мѣстности съ пред-

*) Прим. ред. Въ послѣдствіи дѣйствительный статскій статскій совѣтникъ Карлъ Карловичъ Умидовъ.

¹) Примѣч. Скобелева. Подробное описаніе смерти Пулатъ-хана въ февралѣ 1876 года въ Маргеланѣ. Документы или въ штабѣ ташкентскаго военнаго округа или у меня въ бумагахъ. Тамъ же найдете подтвержденіе, что второй періодъ коканской войны (15-го октября 1875 — 10-го февраля 1876 года) поддерживался приливомъ водонтеровъ въ значительной степени изъ предѣловъ Курамы, уѣзда Ходжентскаго и самаго гор. Ташкента.

²) Примѣч. Скобелева. Воинственныя племена кипчаковъ (икесу-арасы) *) и каракиргизъ обѣщали свое содѣйствіе священной войнѣ (газаату). Поддержка кипчаковъ имѣла особенное значеніе тѣмъ болѣе, что во главѣ партіи войны сталъ сынъ Мусульманъ-куя, казненнаго Худояромъ, — Абдурахманъ-Автобачи.

*) Прим. ред. Икесу-арасы значитъ — междурѣчье.

положеніемъ атаки Коканда. (Какъ то, такъ и другое приложу къ этой запискѣ, если отыщу въ документахъ, что въ Москвѣ у Ив. Ил. Маслова). Въ городѣ въ эти дни спокойствіе не нарушалось, базаръ былъ по прежнему многолюденъ, лавки были переполнены товаромъ, какъ никогда не бываетъ при русскомъ владычествѣ (причина тому наша таможенная система, исключаящая вообще подвозъ товаровъ извнѣ и закрывающая, слѣдовательно, доступъ товаровъ въ Среднюю Азію изъ Афганистана). Одно поражаело: это большое движеніе къ рядамъ, гдѣ продавалось огнестрѣльное и холодное оружіе; точили множество шашекъ.

Вечеромъ 19-го іюля Мирза-Хакимъ, наконецъ, рѣшился намъ сообщить: вся восточная часть ханства возстала противъ правительства, насильно завладѣла наследникомъ престола, бывшимъ тогда андиджанскимъ бекомъ, что сборищемъ возставшихъ командуетъ ближайшій любимецъ хана Худояра, Абдурахманъ-Автобачи, что бекъ маргеланскій и нѣкоторые другіе объявили себя также противъ хана и что въ данную минуту около 30 тыс. инсургентовъ, съ артиллеріей, находятся въ двухъ переходахъ отъ столицы. Хану всей правды сказать никто не смѣетъ, замѣтилъ при этомъ Парманачи, но событія идутъ такъ быстро, что развязку надо ожидать очень скоро. Бѣжать въ Кашгаръ теперь невысказуемо, мой же совѣтъ заключался бы въ томъ, чтобы безотлагательно откланяться хану и вернуться въ русскіе предѣлы. На улицу насъ также просили не показываться, такъ какъ фанатизмъ народныхъ массъ съ каждымъ часомъ возбуждался болѣе и ханская власть была бы не въ силахъ насъ защитить.

Послѣ этихъ сообщеній Мирза-Хакимъ поѣхалъ во дворецъ за новостями. Г. Вейнбергъ, какъ глава миссіи, призвалъ между тѣмъ меня къ себѣ и мы совѣтывались что намъ дѣлать. Г. Вейнбергъ не призналъ съ перваго же разу возможности русской миссіи показать видъ, что она избѣгаетъ опасности. По ходжентскому трактату съ ханскимъ правительствомъ, Государь Императоръ призналъ хана коканскаго законнымъ государемъ страны. Слѣдовательно наша миссія до полученія новыхъ повелѣній своего правительства не должна была входить ни въ какіе переговоры съ мятежниками, напротивъ того, оставаясь безотлучно при ханѣ, наше посольство намѣрено было дать ему тотъ нравственный престижъ, который сопряженъ со всякимъ представительствомъ

могущественной Россія на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ. Въ смыслѣ этого рѣшенія было окончательно объявлено хану Худояру. Все продолжавшіеся болѣе и болѣе тревожные слухи изъ города и съ базара заставили меня, если не ошибаюсь, 20-го августа предложить начальнику миссіи поѣхать на базаръ и посмотрѣть что тамъ дѣлается.

Г. Вейнбергъ согласился.

Какую переменѣну нашелъ я въ городѣ! на всѣхъ улицахъ густыя массы очевидно пришло вооруженнаго пѣшаго и коннаго народа, все указывало на близость кровопролитія. Толпы дервишей и муллъ видѣлись на всѣхъ перекресткахъ людныхъ улицъ; всѣ они при видѣ гяуровъ (я ѣхалъ съ казакѣмъ) отплескивались и бреча четками громко напѣвали, обращаясь къ толпѣ, стихи изъ корана. Всѣ кофейни^{*)} были переполнены и массы пьяныхъ отъ куренія опиума и хашиша шатались по улицамъ. Я заѣхалъ въ оружейный рядъ большого базара, но тутъ обратиться я не могъ, такъ какъ толпа была сплошная и, какъ мнѣ показалось, еще болѣе возбужденная; въ лавкахъ недоставало рукъ точить оружіе. Въ эти дни оружейники, какъ говорили, очень нажились.

На обратномъ пути мимо меня, ко дворцу, прошло около 3.000 регулярной пѣхоты съ пушками и до 600 ч. кавалеріи. Ихъ привелъ хану бекъ Сохскій мулла Мааруфъ.

Вернувшись домой, я доложилъ начальнику миссіи обо всемъ, что видѣлъ; съ своей стороны онъ узналъ, что вертящіеся дервиши въ одной изъ главныхъ мечетей уговаривали народъ сдѣлать угодное Богу и избѣжать бѣдствія, избіеніемъ русскихъ, находящихся въ Кокандѣ. Возможность подобнаго исхода подтверждалась еще: а) прибытіемъ къ намъ, съ просьбою о защитѣ, всѣхъ русскихъ купцовъ и повѣренныхъ купцовъ; б) бѣгствомъ со двора ханскаго конвоя; в) народными массами, со всѣхъ сторонъ окружившими нашъ дворецъ; даже ночью съ 20 на 21 августа на пролетъ слышны были дикіе голоса, напѣвающіе стихи изъ корана объ избіеніи невѣрныхъ. Колебаться было болѣе нельзя, рѣшено было привести нѣсколько комматъ въ оборонительное положеніе и, если придется, возможно дорого продать свою жизнь. Большимъ утѣшеніемъ служила увѣренность, что наши войска, мстя за насъ, камня на камнѣ не оставятъ въ Кокандѣ.

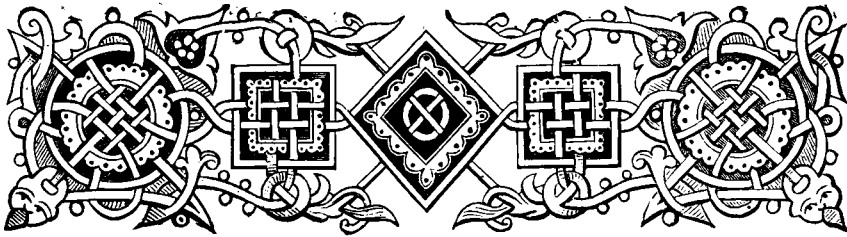
(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ
СЕНТЯБРЬ, 1914 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

ВЪ КОНЦѢ семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія я былъ знакомъ съ полковникомъ Владимиромъ Ивановичемъ Корольковымъ, жившимъ въ то время въ гор. Маргеланѣ (теперь гор. Скобелевъ). Онъ былъ, кажется, въ распоряженіи военнаго губернатора Ферганской области, тогда же уѣхалъ изъ края въ Варшаву, гдѣ, какъ я слышалъ, и умеръ. Въ бытность М. Д. Скобелева военнымъ губернаторомъ вновь образованной изъ Кокандскаго ханства Ферганской области, Корольковъ былъ съ нимъ въ хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ боевыми товарищами проводилъ его на турецкую войну. Отъ Королькова, какъ очевидца и участника, я слышалъ слѣдующій разсказъ о Скобелевѣ.

«Получивъ должность военнаго губернатора Ферганской области, Скобелевъ началъ очень строго, по-военному обращаться съ сартами и обрушился на мелкихъ интендантскихъ чиновниковъ, грозясь ихъ перевѣшать... Какъ чисто военный человѣкъ, по части гражданскаго управленія въ первое время онъ былъ слабовать по совершенной неопытности и, казалось, былъ вовсе неспособенъ для роли «устроителя» вновь завоеваннаго края.

«Какъ и раньше бывало, Скобелевъ часто приглашалъ къ себѣ на ужины и пирушки своихъ боевыхъ товарищей и хорошихъ знакомыхъ, гдѣ, въ простомъ, товарищескомъ кружкѣ, велись свободные разговоры на разныя темы злобы дня. Онъ былъ протѣ

въ обращеніи съ друзьями и не сердился на горячіе споры съ нимъ и даже на шутки. На одномъ изъ обѣдовъ, когда развязались языки отъ выпивки, надъ нимъ начали подсмѣиваться, какой-де онъ губернаторъ, правитель и устроитель области, когда не имѣетъ никакого понятія о гражданскихъ законахъ, а ихъ шестнадцать томовъ... Скобелевъ не возражалъ, промолчалъ и задумался. Этимъ, повидимому, дѣло и кончилось, и всѣ забыли о разговорѣ.

«Кажется, мѣсяць спустя, я зашелъ къ Михаилу Дмитріевичу вечеромъ, запросто, навѣстить. Онъ былъ въ кабинетѣ. Смотрю, у него на письменномъ столѣ какія-то новыя книги, томы свода гражданскихъ законовъ, одинъ изъ коихъ раскрытъ и, видимо, онъ только что читалъ его.

— Что это у васъ за книги, Михаилъ Дмитріевичъ? Что-то новое...—сказалъ я, усаживаясь къ столу по его приглашенію.

— Помните, какъ-то за обѣдомъ надо мною подсмѣивались и говорили, что я не могу быть хорошимъ губернаторомъ, потому что незнакомъ съ гражданскими законами? Такъ я же вамъ докажу, что могу быть и гражданскимъ правителемъ не хуже другихъ!..—горячо заговорилъ онъ.—Я вамъ докажу!..

«Передъ нимъ лежалъ одиннадцатый томъ свода законовъ, открытый на отдѣлѣ губернскаго управленія, а новыя книги были сочиненія по администраціи. Указывая на нихъ, онъ началъ говорить о томъ, что недостаточно только вы зубрить статьи законовъ, на что способенъ и мелкій чиновникъ изъ военныхъ писарей или фельдшеро́въ, нужно знать основныя положенія управленія, духъ законовъ да не однихъ только русскихъ. Онъ говорилъ долго и горячо, очевидно, сильно задѣтый товарищеской насмѣшкой надъ нимъ, которую онъ не забылъ. Изъ его словъ было видно, что онъ составилъ себѣ довольно-таки обширный планъ и горячо принялся за его исполненіе.

«Все это меня крайне заинтересовало, и я подумалъ, что все кончится временнымъ увлеченіемъ, но скоро убѣдился, что Скобелевъ принялся за дѣло не въ шутку. Потомъ я нѣсколько разъ бывалъ у него въ его свободное время и часто заставлялъ его за усерднымъ изученіемъ искусства быть хорошимъ правителемъ. Онъ былъ не лишенъ настойчивости и упорства во всякомъ дѣлѣ, за которое брался, и я увѣренъ въ томъ, что, продержись онъ въ Ферганѣ долго, онъ добился бы своего. Но зимою 1876—77 годовъ пошли усиленные разговоры о войнѣ съ Турціею, Скобелевъ бросилъ все, бросилъ свои гражданскія книги, взялъ отпускъ, усакалъ сначала въ Петербургъ, а оттуда на Дунай. Судьба готовила ему совсѣмъ другой, болѣе присущій его характеру и стремленіямъ родъ дѣятельности».

Ев. Смирновъ.

Изъ прошлаго Ферганской области.

Первымъ Военнымъ Губернаторомъ Ферганской области былъ покойный Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Колыбелью первой его славы былъ Туркестанскій край. Хивинскій походъ далъ ему Георгіевскій крестъ 4 ст. и завоеваніе Кокандскаго ханства Георгія 3 ст. Извѣстное славное дѣло подъ Махрамомъ, рѣшившее участь Кокандскаго ханства, было геройскимъ подвигомъ главнымъ образомъ Михаила Дмитріевича, командовавшего тогда всей кавалеріей отряда Послѣ Кокандскаго похода Михаилъ Дмитріевичъ былъ назначенъ начальникомъ Наманганскаго Отдѣла, а затѣмъ 2 марта 1876 г. Военнымъ Губернаторомъ только что образованной Ферганской области. Въ февралѣ 1877 г. онъ оставилъ постъ Военнаго Губернатора, дабы принять участіе въ наступающей тогда военной грозѣ въ Европейской Турціи. Тамъ, какъ извѣстно, начавши боевую дѣятельность въ скромной роли чутъ ли не ординарца при генералѣ Драгомировѣ, онъ вскорѣ въ знаменитыхъ боевыхъ подвигахъ прославилъ себя и свою родину на весь міръ.

Его блестящая боевая дѣятельность, какъ великаго полководца, завершилась знаменитымъ туркменскимъ походомъ 1881 года, а вскорѣ послѣ того закончилась и его славная жизнь, дорогая и столь нужная Россіи.

Имя его, близкое каждому истинно-русскому человѣку, особенно дорого должно быть туркестанцу и въ ча-

стности ферганцу. Ферганскіе туземцы помнятъ и изъ устъ въ уста передаютъ славное имя Вѣлаго генерала. Оставшіеся въ живыхъ Скобелевскіе джигиты, большею частью украшенные знаками отличія военнаго ордена, пользуются всеобщимъ уваженіемъ туземнаго населенія. 26 Іюня текущаго года исполнится 25 лѣтъ со дня смерти Скобелева. Скобелевъ былъ не только завоевателемъ но и первымъ устройтелемъ Ферганы, и благодарная Фергана должна вспомнить своего героя съ особеннымъ вниманіемъ. Въ архивѣ Областнаго Правленія имѣются матеріалы о его дѣятельности, какъ администратора и устройства области.

Въ Ферганѣ да и во всемъ Туркестанскомъ краѣ, есть много еще славныхъ его сподвижниковъ, какъ по боевой, такъ и по административной дѣятельности.

Желательно, чтобы нашлись люди, которые на страницахъ Ферганскихъ Областныхъ Вѣдомостей помѣщали бы историческій матеріалъ, какъ извлеченный изъ архива Областнаго Правленія, такъ равно и изъ воспоминаній его современниковъ. Каждый городъ Ферганской области имѣетъ свои памятные мѣста и пережилъ событія, связанныя съ именемъ Скобелева; быть можетъ, городскія хозяйственныя управленія подумаютъ о томъ, какъ-бы тѣмъ или другимъ способомъ увѣковѣчить память знаменитаго народнаго героя. Хорошо-бы поддержать мысль о сооруженіи Скобелеву памятника въ Ферганѣ, тѣмъ болѣе, что намъ удалось слышать отъ его старыхъ сотоварищей, что Скобелевъ высказывалъ когда-то

въ молодости желаніе быть погребеннымъ въ завоеванной имъ Ферганѣ.

Для почина, въ добрый часъ, помѣщаемъ здѣсь извлеченное ихъ архива Областного Правленія письмо Скобелева къ правителю канцеляріи Туркестанскаго Генераль-Губернатора Генераль-Адъютанта Константина Петровича Кауфмана Андрею Ивановичу Голицыну. Письмо это характерно, какъ документъ, свидѣтельствующій объ энергіи, вдумчивости и талантливой заботливости объ области перваго ея губернатора.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Андрей Ивановичъ

Неожиданное быстрое начало Алайской экспедиціи, средоточіе значительныхъ силъ мятежниковъ вокругъ Шота, вліяніе немногихъ вождей исчезающей, слава Богу, партіи газавата на извѣстную часть фанатичнаго и легковѣрнаго осѣдлаго населенія Ферганской долины, необходимость противуставить возможному развитію этого вліянія въ особенности въ Кокандѣ и въ Маргеланѣ цѣлый рядъ быстрыхъ и энергичныхъ мѣръ, чрезвычайныя трудности горнаго движенія съ сравнительно весьма значительными обозами по непроходимымъ тропамъ и черезъ нѣсколько первостепенныхъ сѣловыхъ хребтовъ, наконецъ многія, хорошо извѣстныя Вашему Превосходительству неблагопріятствующія успѣху письменныхъ занятій обстоятельства, лишали меня до сихъ поръ возможности воспользоваться Вашимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ, многоуважаемый Андрей Ивановичъ, и писать Вамъ такъ часто, какъ я того желаю.

Настоящее письмо, по причинѣ отдаленія и исключительности моего положенія, не можетъ имѣть цѣлью обрисовать передъ Вами достаточно картинно текущія нужды ввѣренной мнѣ молодой области—это я надѣюсь исполнить періодически съ большимъ успѣхомъ по возвращеніи въ областную центръ и въ продолженіи длинныхъ зимнихъ и осеннихъ вечеровъ, я только хочу положить фактическое начало дорогому, дарованному Вами мнѣ, праву и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомить Васъ вкратцѣ съ моими послѣдними распоряженіями при отъѣздѣ моемъ въ походъ на 2-мъ сѣздѣ уѣздныхъ начальниковъ, состоявшемся подъ моимъ предсѣдательствомъ въ Маргеланѣ.

Я лишь себя надеждою, что Ваше Превосходительство не откажете въ высокоцѣнныхъ мною совѣтахъ Вашихъ.

На основаніи проекта временнаго положенія объ управленіи Ферганской областью, впредь до организаціи области, сохранены были существовавшія при Кокандскомъ владычествѣ дѣленія на аминства и аксакальства.

Дѣленія эти оказались на практикѣ совершенно не соотвѣтствующими составу нашихъ уѣздныхъ управленій.

Въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ города, безъ всякой надобности, дѣлились на множество аминствъ; гдѣ казалось, было-бы достаточно раздѣлить городъ на 3—4 аминства, тамъ было ихъ отъ 12-ти до 15-ти; напротивъ, селенія не были соединены въ аминства, и на каждый кишлакъ былъ отдѣльный аксакаль, который непосредственно сносился съ бекѣмъ.

При такихъ условіяхъ уѣздные начальники, будучи поставлены въ необ-

ходимость приводить въ исполненіе свои распоряженія черезъ пѣсколько сотенъ аксакаловъ, не могли какъ слѣдуетъ выполнять свои многотрудныя и многочисленныя обязанности.

Для облегченія уѣздныхъ начальниковъ въ передачѣ и приведеніи въ исполненіе ихъ административныхъ распоряженій, равно и для облегченія контроля надъ дѣйствіями мѣстныхъ туземныхъ административныхъ органовъ, область только что мною, временно въ видѣ опыта, впредь до утвержденія Его Высочайшимъ Указомъ Константиномъ Петровичемъ, раздѣлена слѣдующимъ образомъ:

	городскіе уч.	волостные.
Городъ Кокандъ	4	—
<i>уѣзды:</i>		
Кокандскій	„	16
Наманганскій	4	10
Андижанскій	4	20
Маргеланскій	4	21
Ошскій	2	5
Чустскій	2	8
Чиміонскій	„	3
	20	83

Въ каждый городской участокъ и въ каждую волость входитъ отъ 1500 до 2000 домовъ.

Какъ временная мѣра, впредь до утвержденія Генераль-Губернаторомъ, я полагаю бы, согласно мысли, которую Вашему Превосходительству угодно было со мною развить въ день нашего послѣдняго свиданія, *волостнымъ* назначить по 700 руб. въ годъ, считая въ томъ числѣ расходы по найму джигитовъ и на другія надобности.

Независимо волостныхъ, въ каждомъ селеніи я полагаю необходимымъ,

согласно заявленій всѣхъ безъ исключенія уѣздныхъ начальниковъ, оставить аксакаловъ существующихъ, безъ производства имъ содержанія, въ виду недостатка той суммы, которую Его Высочайшимъ Указомъ предложено отпустить въ мое распоряженіе.

Изъ только что сказаннаго Ваше Превосходительство легко усмотрите, что положеніе, по необходимости создаваемое нами многочисленному классу сельскихъ аксакаловъ, не можетъ быть названо нормальнымъ.

1) Не давая содержанія аксакалу, мы не можемъ требовать добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей.

2) Вознагражденіе за трудъ по управленію кишлаковъ опредѣляется произвольно личностію аксакала и отношеніями къ жителямъ; при подобной системѣ какъ то, такъ и другое еще долгое время будетъ находиться внѣ контроля русской администраціи, что для насъ крайне невыгодно, не только вслѣдствіе необходимости, въ которую мы поставлены игнорировать цѣлую массу злоупотребленій—но и въ *политическомъ отношеніи*.

3) Не давая содержанія аксакаламъ, мы отталкиваемъ въ большинствѣ случаевъ, людей добросовѣстныхъ и пользующихся въ народѣ уваженіемъ. То и другое, при трудолюбіи и способностяхъ, здѣсь въ Азіи, какъ и вездѣ, слишкомъ рѣдко сопряжено со средствами, а кишлачный аксакалъ, даже самый скромный, непременно будетъ вовлеченъ въ расходы.

Въ настоящее время, какъ показали мнѣ опыты полугодоваго управленія, искателями аксакальскихъ мѣстъ яв-

ляются люди, привыкшіе ловить рыбу въ мутной водѣ; между тѣмъ этотъ административный элементъ, по своему существу, является чаще другихъ *представителемъ* русской власти въ сношеніяхъ съ народомъ и именно съ тою массою *рабочаго сельскаго люда*, которую безусловно въ нашихъ интересахъ и, *твердо увѣренъ, въ нашей власти*, необходимо привлечь къ себѣ честнымъ, справедливымъ, кроткимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сильнымъ управленіемъ.

Все это, казалось бы, достигается не столько представителями высшей административной власти, сколько соотвѣтствующей организаціей тѣхъ органовъ низшаго управленія, которые, безпрестанно сталкиваясь съ самыми животрепещущими народными интересами, такъ или иначе *практически* являются, въ понятіяхъ массы, *представителями стремленій всей администраціи*.

Горькая истина... но чѣмъ болѣе я стараюсь осмыслить для себя священную обязанность администратора обширнаго края, тѣмъ болѣе я прихожу къ заключенію въ полнѣйшей безполезности, даже *вредъ пассивной* честности (такъ какъ этимъ слишкомъ часто достигается *личное* успокоеніе) и необходимости, не только обладать активной честностью, но и умѣть внушить ее *всѣмъ* своимъ подчиненнымъ.

А исполнимо ли это сознаніе при нашихъ, *до сихъ поръ сложившихся* въ средней азіи, условіяхъ на практикѣ?

Для завѣдыванія арыками и для правильнаго распредѣленія воды между кишлаками, я признаю необходимымъ назначить въ области 37 *мираб-*

башей, содержаніе которымъ полагаю производить въ размѣрѣ отъ двухъ сотъ до шестисотъ руб., смотря по мѣстности и условіямъ ирригаціонной системы.

Но этого, впрочемъ, недостаточно; уѣздные начальники, кромѣ того, заявили мнѣ (и подтвердили свое мнѣніе достаточными выводами) о необходимости имѣть *мирабовъ* (младшихъ) съ вознагражденіемъ (безъ опредѣленнаго, хотя даже и не вполне точнаго законнаго вознагражденія *мирабовъ* положительно допустить невозможно) ихъ изъ сборовъ суммъ, взиманіе коихъ въ казну представило-бы большія затрудненія.

Въ первостепенно-важномъ вопросѣ о *мирабахъ* я, по необходимости, до сихъ поръ долженъ слишкомъ много вѣрить на слово, не имѣя достаточно точнаго представленія объ ирригаціонной системѣ Ферганской области—извѣстной своею сложностію, вслѣдствіе большого недостатка воды въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, особенно въ Кокандскомъ.

Къ обстоятельному изученію ирригаціи будетъ мною приступлено въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ. Трудъ этотъ, оконченный къ веснѣ, поставитъ уѣздную администрацію въ гораздо болѣе выгодныя условія, какъ въ смыслѣ опредѣленія настоящихъ средствъ населенія въ одной мѣстности, такъ и, что по моему еще важнѣе, дастъ возможность русской власти являться рѣшающей въ спорахъ о водѣ, возникающихъ каждою весною, и тѣмъ пріобрѣсти на народъ весьма значительное нравственное вліяніе, котораго, вслѣдствіе своего незнанія, она до сихъ поръ лишена.

Въ виду скорого пріѣзда въ область Его Высокопревосходительства вопросъ податной оставленъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ при ханскомъ правительствѣ, согласно приказаній Генераль-Губернатора.

Въ бытность Константина Петровича въ области, я буду его, однако, просить, если Вы найдете основательнымъ нижеслѣдующее, оказать народу милость и освободить его отъ тѣхъ податей, которыя установлены были правленіемъ Худояръ-Хана въ послѣдніе годы и, безспорно, невыгодно отражаются на народномъ хозяйствѣ. Къ числу таковыхъ принадлежатъ:

1) *Саманъ-Пулли*, сборъ за соломѣ, какъ преимущественно падающій на бѣдный классъ,—у котораго солома служить *единственнымъ* подспорьемъ для корма скота въ зимнее время.

2) *Чонъ-Пулли*, сборъ за право рубить дрова и собирать колючку.

3) Сборъ въ пользу *ханскихъ джигитовъ*.

4) Сборъ *маклерскихъ денегъ* съ земли, домовъ и недвижимыхъ имуществъ.

Тарикане и Никахане, свадебные и нотаріальные сборы, опредѣленные Генераль-Лейтенантомъ Колпаковскимъ въ государственный доходъ, практикуются не одинаково во всѣхъ уѣздахъ, сборы эти, *отмѣненные* Его Высокопревосходительствомъ Константиномъ Петровичемъ для бывшаго Наманганскаго отдѣла, въ Чустскомъ и Наманганскомъ уѣздахъ не взимаются вовсе, хотя девтеры и ведутся казіями на случай, если Генераль-Губернатору угодно будетъ приказать собрать эту подать.

Тарикане и Никахане были *первоначально отмѣнены* Генераль-Лейтенантомъ Колпаковскимъ, что и *было объявлено* населенію; передъ отъѣздомъ же его изъ Коканда послѣдовало *вновь* приказаніе взимать эту подать, это послѣднее распоряженіе Генераль-Лейтенанта Колпаковскаго, какъ открыто противорѣчащее распоряженію, нѣсколько времени тому назадъ имъ же предписанному, я взялъ на себя не приводить въ исполненіе, основываясь:

1) на резолюціи Константина Петровича относительно сбора тарикане и никахане въ бывшемъ Наманганскомъ отдѣлѣ.

2) изъ опасенія этимъ распоряженіемъ *на первыхъ же порахъ* подорвать авторитетъ русской власти.

Во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ тарикане и никахане собраны и записаны казіями на приходъ по особымъ пнуровымъ книгамъ, выданнымъ имъ на этотъ предметъ, впредь до распоряженій Его Высокопревосходительства.

Всѣ только что названные сборы настолько *тягостны*, сборъ-же ихъ такъ затруднителенъ и трудно *контролируется*, что положительно смѣю совѣтовать отмѣнить ихъ въ этотъ пріѣздъ Константина Петровича.

Я намѣренъ тянуть этотъ вопросъ, чтобы доставить, если мнѣніе, мною высказанное, будетъ уважено Его Высокопревосходительству случай сдѣлать въ пріѣздъ его въ область милость народу и тѣмъ, съ Божіею помощію, открыть новую эру измученному кровавыми междоусобицами и продолжительными войнами Фер-

ганскому народу, — эру спокойствія и мирнаго преуспѣянія....

Танацный сборъ идетъ успѣшно; измѣреніе хераджа на поляхъ производится, а по установленіи цѣнъ на хлѣбъ нынѣшняго урожая начнется и самый сборъ хераджной подати.

Лагерь на берегу р. Кизыль-су, Большой Алай близъ Кизыль-Арта 6 августа 1876 года 11 часовъ вечера. Съ подлиннымъ вѣрно и. д. Начальника Штаба капитанъ *Церпицкий*.